

Иван Годинович (5)

Как во стольнѣм во городе во Киѣве,
Да у ласкова князя да у Владимира
Тут ведь было пирóваньѣ да столóваньѣ,
Ищо было столóваньѣ — почесѣн пир.
Ищо все ли на пиру́ да напивалисе,
Ище все ли на чесном наедалисе,
Ище все ле на пиру прирасхвастались.
А один-то боғатырь да не пьёт, не ест,
Он не пьёт-то, не ест, сидит — не кушаёт,
Ищо белой лебедушки не рушаёт.
Говорил тут красно солнышко ле да Владимир-князь:
«Ох ты го́й еси, Иван сын да Годинович!
Уж ты што же ты сидишь — не пьёшь, не кушаёшь,
А как белой-то лебѣдушки не рушаёшь?»
Вот проговорил Иван сын Годинович:
«Ой ты го́й еси, красно солнышко Владимир-князь!
Ище все у нас в городи пожонѣны,
А как красные девушки повыданы —
А один-то ле я не жонат живу.
Ты позволь-ко, позволь мне да жонитисе!»
Говорил красно солнышко Владимир-князь:
«Ты жонись-ко, жонись, Иван да сын Годинович!
Ты бери-тко во городе Киеви.
А не надо те во городи ле во Киеви —
Ты бери-тко во городи ле в Чернигови!»
Роспроговорил Иван сын ле да Годинович:
«Я не возьму во городи во Киеви,
Мне не надо во городи и в Чернигови —
Я возьму-то во городи ле-то во Ляхови
У того же нонь князя ляховиньского
Ищо-то Настасью да Бугригорьевну!» —
«Ох ты го́й еси, Иван сын да Годинович,
А [и] той-те невесты не владать будёшь!»
Разгорелось да серцѣ боғатырьско[ѣ]!
А он скакал, Иван, да на резвы́ ногі:

Он одной-то ногой — на дубовой стол,
А друго́й-то ногой — на серёдку пол.
Побежал тут Иван дак на красно крыльцо
Да к тому же нонь родителю:
«Ох ты го́й еси, батюшко родимой мой!
Уж ты дай бла́гословленьицо да жонитисе!» —
«Ты жонись-ко, жонись, Иван да Годинович!»
Выходил тут Иван да на красно крыльце́,
От крыльця он пошел да 'конюшой двор.
Он седлал тут коня, да коня доброго,
Он накинул седёлушко черкасьское,
Он подпряг тут двенадцеть подпруг с подпругою,
А накинул ноньце чету́ железную:
А не для-ради басы — а для крепости,
Из-под ёго штобы конь не вы́пренул.
Он поехал ко князю к ляховинск[ому].
Он приехал ко князю к ляховинскому,
Он заходит во гриднюшки во светлыя.
«Уж ты здравствуй, Иван да сын да Годинович!
Ты приехал да ко мне верой-правдою?» —
«Не служить я приехал — посвататьсэ
А на той же Настасьи Бугригорьёвной!» —
«Ох ты го́й еси, Иван дак сын Годинович!
У меня Настасья у меня да просватана
За того же арапа нонь заморьского!»
Розгорелосё у его сердце да бо́гатырскоё,
Он пошел тут, Иван да сын Годинович,
А в те же полаты да белокамянны —
Ище где живёт Настасья да Бугригорьёвна.
Он и брал [Настасью] за белы́ руки,
Выводил он ей на красно крыльце́.
Говорил тут князь да Бугригорьевич:
«Ты постой-ко, Иван да сын да Годинович!
Ты пойдём-ко во гридни мои во светлыя,
Ты поешь-ко, попей ты да покушай-ко!»
Говорил тут Иван да сын да Годинович:
«На приезде нонь гостя не употчёвал —
На по́езде нонь гостя нонь не употчуёшь!»
Как скакал тут Иван да сын да Годинович,

Он скакал тут, Иван, на добра́ коня,
Он повёз тут Настасью да Бугригорьевну.
Они едут с Настасьей по чисту́ полю,
А они роскину́ли [шатёр] да белобархатной.
А в то время-то приехал нонь арап да заморьской
Да к тому же ко князю Бугригорьеву.
Не застал он Настасьи да Б[у]григорьевны:
Увёз-то Настасью Иван да сын да Гоудинович.
Он скакал тут, арап, на добра́ коня́,
Догонил Ивана сына ноньце Гоудиовица —
А они делали нонь схватку да бо́атырскую.
Поборол он арапа, да арапа ноньце чорного,
А забыл он кинжалищо да булатноё.
Говорил тут да Иван да сын да Гоудиовиц:
«Ох ты го́й еси, Настасья да Бугригорьевна,
Ты носи-ко мне кинжалищо да булатноё!»
Говорил тут арап да заморьской же:
«Не носи-то, Настасья, ёму кинжалище —
Ище выбрось кинжалищо под ракитов куст,
А т[ы сдёрни] Ивана сына Гоудиовича!»
Она сдёрнула Ивана да Гоудиовица,
Привезали они Ивана да к дереву,
А зашли они в шатёр с Настасьей Бугригорьевной.
Розгорелосе у Ивана да сердце бо́атырскоё,
Он сорвал тут ремни со белых-то рук,
И забежал тут Иван сын да Гоудиович,
Заколел тут арапа, да арапа ноньце чорного.
И поехал с Настасьей Бугригорьевной.
Они приехали к руцью, да руцью́ глубокому.
Говорил тут Иван да сын да Гоудиовиц:
«Ох ты го́й еси, Настасья де Бугригорьевна!
Уж ты слезь, ты слезь с коня добро́го,
Ты подай-ко, подай мне напите́се!»
Поднесла она ведь чару ключевой воды.
«А не надо мне от тебя ключева вода:
Ты обнимала арапа да ноньче чорного!»
Он отсек-отрубил у ей праву́ руку́.
«Ты подай-ко, подай из лево́й руки́!»
Поднесла она ведь чару ключевой воды.

«А не надо мне от тебя из левой руки:
Ты дёржала арапа да ноньче черного!»
Отрубил он у ей да нонь леву́ руку.
«Закуси ты зубами чару золочёную!»
Поднёсла она чару ключевой воды.
«А не надо мне да ключевá водá:
Чоловала ты арапа да ноньче черного!»
Он отсек у ей да буйну голову́!

(Зап. А. М. Астаховой 4 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от Семенова Никифора Калиновича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.